

Заметив, что поцелуй Сюэ Фэйфэна становится все более бесстыдным, хотя сам он уже перестал плакать, Шэнь Цинжань зажмурился и попытался увернуться.

Если тот сейчас же не отстранится, он ведь и укусить может!

Сюэ Фэйфэн вовремя отпустил Шэнь Цинжаня. Тяжело дыша, Шэнь Цинжань обессиленно уткнулся ему в грудь. Уголки глаз, губы, кончик носа, мочки ушей — всё, чему полагалось покраснеть, вспыхнуло алым.

И впрямь нельзя целоваться с людьми.

Шэнь Цинжань утер уголки губ, поднялся и побрел к дому. Вокруг простирались пустынные, голые поля — ни травинки. В ближайшее время ему совершенно не хотелось заново разводить кур и утят. Хоть Сюэ Фэйфэн и вовремя все уладил, так что Шэнь Цинжань не видел трагедии собственными глазами, он без труда мог представить себе эту жуткую, мертвую картину.

Лучше уж земледелием заниматься.

Система поступила правильно, скрыв от него станцию животноводства: если уж он и земледелию как следует не научился, то как сможет вырастить животных?

С тех пор Шэнь Цинжань больше ни разу не видел Пань Юньшаня и даже не знал, на сколько лет того засадили в тюрьму. Родители Пань, душой боля за сыночка, уже на следующий день съехали из деревни Лицзяцунь — по слухам, обосновались прямо возле уездной тюрьмы.

В этот раз они не стали брать с собой Пань Юньси и даже перепродали дом, купленный у Сунь-второго.

Пань Юньси осталась совсем одна, без гроша и крыши над головой.

Шэнь Цинжань пребывал в полном замешательстве. Он подумывал приютить Пань Юньси у себя, но они с Сюэ Фэйфэном — двое взрослых мужчин — и без того ютились в одной комнате, а вторую он отдал под выращивание грибов. Не заставлять же молодую девушку тесниться вместе с ними?

Пань Юньси держала в руках маленький узелок, где лежали лишь две вещи: одно зимнее платье и одно летнее. Несколько лет подряд она шила одежду для брата, а сама ютилась в латаном-перелатаном вранье, целый год перебиваясь двумя-тремя одежонками.

Они вдвоем уселись на порог и тяжело вздохнули.

Пань Юньси хоть и скучала по родителям, но судейское разбирательство прошло невероятно гладко. Пань Юньшань угодил за решетку, и мрачная туча, вечно висевшая у нее над головой, наконец рассеялась. Девушка ощутила небывалую легкость: отныне, ждет ли ее завтра жизнь или смерть, это будет лишь ее собственным делом.

Шэнь Цинжань только хотел предложить обустроить грибную комнату — хоть там и стоял скверный запах, зато имелся теплый кан, что было вполне неплохо, — как с улицы вернулся Сюэ Фэйфэн. Заранее предугадав, что чета Пань попытается продать жилье, он подсуетился и подослал человека, чтобы выкупить дом.

Позволить Пань Юньси жить вместе с ними? Ни за что на свете, ни в этой жизни! Причина, по которой он помог Пань Юньси, была проста: девчушка работала проворно и без лишнего шума,

а будь у нее характер чуточку потверже, было бы и вовсе замечательно.

Сюэ Фэйфэн пока не мог пригнать троих братьев Чан помогать Шэнь Цинжаню с полем, ведь у тех имелись другие задачи. Он не понимал, зачем Шэнь Цинжань изо дня в день нахмурившись горбатилась в поле, сама навлекая на себя мучения, поэтому решил оставить Пань Юньси, дабы та помогала ей.

Сорок цыплят и утят в заброшенном пруду теперь состояли из местной птицы, их не требовалось выкармливать особым образом. Шэнь Цинжань, сославшись на то, что этот вид навевает на него печальные воспоминания, полностью перепоручил уход за ними Пань Юньси, продолжая исправно платить ей жалование.

В доме семейства Пань теперь жила одна лишь Пань Юньси, поэтому две освободившиеся комнаты переоборудовали под сушильни. Шэнь Цинжань вырастил столько грибов, что его уже тошнило от них изо дня в день, так что он решил засушить их: грибные сушки хранятся долго, да к тому же их можно продать.

День рождения Ли Фэна выпадал на двадцать девятое число двенадцатого лунного месяца. Сам Сюэ Фэйфэн об этом забыл, а вот Шэнь Цинжань запомнил накрепко.

Впрочем, толку от этого было мало.

Захолустье, ни гроша за душой, да и достать подарок для Сюэ Фэйфэна попросту негде.

Поговаривали, будто с этим мог помочь Хуан Эр.

Шэнь Цинжань подпер щеку рукой и вздохнул: Сюэ Фэйфэн разве что на двери не наклеил семейное правило «С Хуан Эром не разговаривать!», так что эта мысль отпала сама собой.

Тогда, когда он напросился в ученики к повару Чжану, он случайным образом раскрыл секрет, что Сюэ Фэйфэн вовсе не хромой. Но в то же время присутствие Сюэ Фэйфэна сильно мешало учебе Шэнь Цинжаня: всё, до чего ему не хотелось прикладывать руки, он спихивал на Сюэ Фэйфэна. Повара Чжана это доводило до белого каления.

Шэнь Цинжань спросил Пань Юньси:

«Ты умеешь делать торт?»

Пань Юньси абсолютно не поняла, о чем речь.

«Ну, такой мягкий, пышный и сладкий пирог из яиц и муки?»

Пань Юньси покачала головой: ей не довелось пробовать столь изысканные лакомства, она лишь помогала родителям ставить опару да печь паровые булочки-маньтоу.

Шэнь Цинжань не пал духом и решил приготовить всё сам. Роман о сельской жизни был длиннющим, и он помнил, как в одной из глав героиня покорила желудок рокового князя современными десертами.

Тогда Шэнь Цинжань только фыркнул, а теперь жалел, что не перечитал тот отрывок пару-тройку раз.

Такой кулинарный эксперимент, полный сюрпризов и трудностей, Шэнь Цинжань не рисковал проводить дома. Он взял пять яиц, цзинь муки и отправился хлопотать на кухню семейства

Пань.

Шэнь Цинжань взялся за дело сам. Для начала нужно было разбить яйца. Он стукнул яйцом о край котла, да слишком сильно: белок с желтком моментально соскользнули прямо на печь.

Ладно, следующий.

...

И еще один!

...

Когда Сюэ Фэйфэн пришел за ним, он увидел, как Шэнь Цинжань с увлеченным видом обнимает глиняный горшок и, склонив голову, пытается что-то оттуда выловить.

— Цинжань.

«Как это Сюэ Фэйфэн здесь оказался?»

Занятый вылавливанием скорлупок Шэнь Цинжань вздрогнул и накрыл горшок растопыренными ладонями, не давая Сюэ Фэйфэну заглянуть внутрь.

Он же велел Пань Юньси караулить у дверей и ни за что не впускать Сюэ Фэйфэна!

Сюэ Фэйфэн скользнул взглядом сквозь щели между пальцами Шэнь Цинжаня: в горшке плавали белки примерно от семи-восьми яиц, а также изрядное количество мелкой скорлупы — если собрать всё вместе, вышло бы не меньше одного целого яйца.

Каждый раз, когда Шэнь Цинжань пытался зажать скорлупку пальцами и вытащить, она крошилась еще мельче.

Вместе с ней в дребезги разбивалось и его сердце.

Сюэ Фэйфэн подумал, что Шэнь Цинжань хочет пожарить яйца на ужин, и мысленно дал себе зарок: если вечером попадутся скорлупки, ни в коем случае не показывать удивления.

Сплавив Сюэ Фэйфэна с кухни, Шэнь Цинжань взбил белки палочками для еды, а затем перерыл все шкафы в поисках мелкого сита, чтобы отцедить скорлупу.

Желтки он замешал с мукой, но самым ответственным шагом было взбить белки до состояния пышной белой пены.

Шэнь Цинжань взбивал до ломоты в руках, но белок ни капли не изменился. Нахмурившись и окончательно потеряв терпение, он просто свалил желтки, белки и муку в кучу и принялся вымешивать тесто.

Вдруг осененный идеей, он воззвал к системе:

«Мне нужны пищевые дрожжи... Штук тысяча, хватит?»

Система отозвалась отчаянным предупреждением:

[Дрожжи штуками не выдаются!] Да хоть глаза прогляди, ровно тысячу штук не отсчитать.

«Тогда... граммов пять?»

Поразмочив дрожжи в теплой воде, Шэнь Цинжань влил их в тесто, кое-как помял пару раз и бросил в сторону, накрыв шелковым платочком подходить.

Он устал.

...

Вечером Шэнь Цинжань подал горячую стряпню. Хоть выпечка на вид казалась слегка водянистой и вовсе не выглядела сухой и пышной, однако же ингредиенты взяты лучшие: свежайшие яйца, отборная мука, первоклассные дрожжи... Съедобно — сто процентов.

Укусив кусочек, Сюэ Фэйфэн ощутил, как липкая масса облепила зубы. Поворочав языком, великий генерал молча проглотил и произнес:

— Очень вкусно.

По крайней мере, ожидаемой скорлупы не попало, и проглотить это не составило труда.

Воды оказалось слишком много, да еще во время парки из котла налилось, так что Шэнь Цинжань плотно сжал губы — сам он попробовать это уродство абсолютно не желал.

Он раздобыл листок бумаги и искренне извинился перед Сюэ Фэйфэном:

«Прости. На мой день рождения ты приготовил для меня рыбу-белку, а я за столько времени так ничему и не научился. В следующий раз...»

Шэнь Цинжань запнулся. Он не знал, будет ли этот «следующий раз», и не хотел давать пустых обещаний, чтобы Сюэ Фэйфэн на свой следующий день рождения не вспомнил с горечью: «В прошлом году один дурачок в женском платье сулил снова испечь мне отвратительный торт».

Поэтому он благоразумно исправил на: «В следующий раз посуду мою я».

Стыдно сказать, но он не мыл посуду уже целый месяц.

Сюэ Фэйфэн перехватил Шэнь Цинжань за запястье, думая о том, что этим ручкам предназначено лишь держать кисть и писать иероглифы, а вовсе не мараться о домашнюю работу.

— Я не ищу утешения в еде. Раз ты вложила душу, мне уже сладко. Одно лишь твое искреннее намерение слаще десятка лакомств, — Сюэ Фэйфэн пристально посмотрел на Шэнь Цинжань.

Единственное, к чему стремилась его душа — человек перед ним.

Они уже и целовались, и обнимались, и каждую ночь спали под одной крышей... Когда же Шэнь Цинжань наконец поймет, что они — уединенная парочка без лишних глаз?

Сюэ Фэйфэн подавил бушующие мысли: нужно еще немного подождать.

Подождать, пока улицы не зажгутся фонарями и на небе не взойдет полная луна.

Шэнь Цинжань провел этот Новый год в постоянном страхе: пока все вокруг обменивались пожеланиями счастья, он изо дня в день ломал голову над тем, как бы «кузену» правдоподобно

отдать концы.

За эти полмесяца они с Пань Юньси засушили пятьдесят цзиней самых разных грибов и планировали при удобном случае продать их за пределами деревни.

У Сюэ Фэйфэна, судя по всему, имелись широкие связи, так что он наверняка мог помочь отыскать покупателя.

Шэнь Цинжань засадил грибами и дом семейства Пань, после чего обсудил с Пань Юньси:

«Эта партия грибов будет расти где-то два месяца. Ты потом суши их и продавай, а если сумеешь найти способ размножать мицелий — и того лучше. Все деньги, что заработаешь за эти два месяца, делите пополам с Ли Фэном.»

Пань Юньси удивилась:

— А как же ты?

Звучало так, будто она собиралась отправиться в дальний путь.

Шэнь Цинжань посчитал ворон у себя над головой: кто знает, сумеет ли он вообще вернуться?

Казалось, он словно составлял завещание:

«На поле растут два му картофеля и два му батата. Их ботву можно употреблять в пищу, если не будет других овощей — ешьте её. Когда хлопок созреет, обязательно соберите семена для посадки на следующий год. По правде говоря, я советую оставить семена от всех культур с этих пяти му. Если кто-то из сельчан захочет семена, продавай по дешевке или отдавай даром — вещи отличные, чем больше посадят, тем лучше.»

Глаза Пань Юньси мгновенно покраснели.

«Ли Фэн абсолютно не умеет этим заниматься, так что всё на твоих плечах. Главное, делите всё поровну... Если появится свободная минутка, когда соберете хлопок, сшей для него пару теплых вещей.» — При мысли о Сюэ Фэйфэне у Шэнь Цинжаня у самого щипало в носу.

А Пань Юньси уже заливалась слезами.

Шэнь Цинжань совсем растерялся: с чего эта девчушка расплакалась? Он тут же протянул ей платок и с большим энтузиазмом написал:

«Весна — время строить планы на весь год! Я просто излагаю тебе грандиозную программу на год вперед: подводим итоги прошлого, устремляемся в будущее и богатеем!»

— Вот оно что! А я уж подумала, что ты уходишь, — она всхлипнула, улыбнулась и вновь исполнилась задора.

«Само собой, нет! — подчеркнул Шэнь Цинжань. — Только ни в коем случае не ляпни ничего подобного при Ли Фэне».

Пань Юньси отчаянно закивала. Хотя Шэнь Цинжань не могла говорить, а Ли Фэн казался неприступным, они были любящей и доброй супружеской парой, и она прекрасно видела, как трепетно Ли Фэн дорожит Шэнь Цинжань. Подобные речи могли только навлечь неприятности на невестку Шэнь.

Пока Пань Юньси ушла в грибную комнату, Шэнь Цинжань воспользовался моментом, отнес исписанную бумагу на кухню и сжег.

Выйдя за порог, Шэнь Цинжань столкнулся с Сюэ Фэйфэном, который как раз шел его искать, отчего тревога на душе лишь усилилась.

Если тот продолжит пасти его шаг за шагом, где он найдет время, чтобы выдать себя за кузена?!

Он намекнул Сюэ Фэйфэну:

«Если меня нет дома, значит, я либо у Пань Юньси, либо в поле. Обещаю, по горам больше лазить не буду».

Пань Юньси — та вообще давала жару: при каждом удобном случае звала его «невесткой», отчего Шэнь Цинжань каждый день сомневался в собственной природе. Стоило ему отправиться в поле, она хвостиком плелась следом и порывалась делать всё за него, из-за чего Шэнь Цинжань никак не мог достать из системы новые семена.

«Сто процентов по наущению Сюэ Фэйфэна!»

Шэнь Цинжань был свято убежден, что после случая на каменной горе Сюэ Фэйфэн практически перестал пускать его на «самовыгул», а в последнее время и вовсе превзошел сам себя.

Шэнь Цинжань не догадывался, что тревога передается даже между людьми, живущими под одной крышей. И хотя сам он как ни в чем не бывало притворялся легкомысленным, Сюэ Фэйфэн, бывший человеком внимательным при всей своей внешней суровости, не мог этого не заметить.

Шэнь Цинжань с легким торжеством посмотрел на Сюэ Фэйфэна: «Даже если ты приставил ко мне Пань Юньси, всё без толку — за последнее время я потихоньку засадил кучу всего!»

Кто бы мог подумать, что Шэнь Цинжань, сидя на земле и ковыряясь в грязи, на самом деле закопал клубень таро?

Сюэ Фэйфэн никак не отреагировал на намеки Шэнь Цинжань. Он взял ее за руку: как и следовало ожидать, под ногтями снова забились земля. Случись подобное в императорском дворе, Сюэ Фэйфэн заподозрил бы, что та тайком роет подкоп.

— Даже внук тетушки Чжан больше не играет с грязью, — попытался пожурить ее Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжаню стало досадно: «Да я с тех пор, как в детском саду научился мыть руки, с грязью не играл!»

Дома, как и предполагалось, уже стоял таз с горячей водой. Сюэ Фэйфэн бережно отмыл грязь с рук Шэнь Цинжаня, насухо вытер их полотенцем и смазал нежным белым кремом с ароматом сливы.

Шэнь Цинжань бросил взгляд на Сюэ Фэйфэна: только что он думал о том, что Пань Юньси плачет по каждому поводу, но ведь он и сам недалеко ушел.

Может, это как аллергия на слюну Сюэ Фэйфэна — стоит лишь оказаться поблизости, как тут же раздражаются слезные железы?

За столько времени Сюэ Фэйфэн так ничему и не научился и был совершенно бессилен против Шэнь Цинжаня:

— Не следовало мне говорить, что ты хуже внука тетушки Чжан... Ты только попробуй еще раз пустить слезу.

Шэнь Цинжань сдержал слезы и в последний раз спросил Сюэ Фэйфэна:

«А можно не встречаться с кузеном?»

«Мне кажется, ты хочешь его побить... Кузену и без того несладко: двадцать восемь лет, а всё еще не женился...»

Сюэ Фэйфэну крайне не нравилось, когда Шэнь Цинжань заступалась за кузена и верила всякому вздору, который тот несет. Он перебил Шэнь Цинжань:

— Он до сих пор не женат?

Шэнь Цинжань нутром чуял, что Сюэ Фэйфэн недоволен таким раскладом, и сразу поправился:

«Женился. Да женушка сбежала».

Сюэ Фэйфэн:

— У меня просто есть пара вопросов, которые я хочу задать ему лично. Он твой кузен, с чего бы мне распускать руки? Еще рассердишься да сбежишь от меня.

Шэнь Цинжань: «Признаться честно, я больше опасаясь, что это ты в гневе сбежишь».

Он прошёл на задний двор покормить Большую и Малую коров сухой травой, вывалив перед ними целую гору соломы и тростниковых листьев высотой с человека.

Вот теперь он прекрасно понял, почему супружеским парам с детьми так трудно разводиться!

Стоит ему уйти — и никто больше не накормит их сушеной травой.

Если его разжалуют и выгонят, просить при разделе имущества двух коров — ведь не слишком дерзко?

Шэнь Цинжань ужалил себя за щеку: такое и вслух-то сказать стыдно, это ж какую наглость надо иметь, чтобы при разводе требовать отдать обеих коров?!

<http://bllate.org/book/17933/1998788>